

Мужчины и женщины в диалоге IV (проблемы реконструкции невербального поведения)

Г. Е. Крейдлин (РГГУ, Москва)

В работе представлены предварительные результаты реконструкции некоторых особенностей мужского и женского невербального поведения людей в ситуации диалогического общения. Материалом для исследования послужил большой корпус магнитофонных записей текстов интервью с представителями русской эмиграции первой волны в Финляндии, в которых люди рассказывают финским интервьюерам о своей семье, о жизни в России до приезда в Финляндию и о жизни в самой Финляндии. Никаких видеозаписей во время бесед не проводилось, что делает задачу реконструкции гендерного невербального поведения не только важной и заманчивой, но и чрезвычайно сложной. Цель работы – показать, что в ряде случаев удается с достаточно высокой степенью надежности дополнить диалоги жестовыми, мимическими, проксемами и другими невербальными знаками и высказать некоторые предположения о реализованной в диалоге или его фрагментах модели невербального гендерного поведения.

1. Особенности невербального гендерного коммуникативного поведения русских эмигрантов первой волны в Финляндии

Исследователи давно обратили внимание на особенности характера совместного существования в акте коммуникации нескольких знаковых систем, главным образом, естественного языка и языка жестов. Сегодня уже можно говорить о появлении науки **невербальной семиотики**, предметом которой является невербальное знаковое коммуникативное поведение и семиотика диалогического взаимодействия людей (см. об этом в Крейдлин 2002). Невербальная семиотика состоит из десяти отдельных наук а центр ее образуют две дисциплины – **паралингвистика**, или наука о параязыке, то есть о дополнительных к речевому звуковых кодах, которые включены в процесс устной речевой коммуникации и способны передавать в нем смысловую информацию, и **кинесика**, понимаемая двояко. В широком смысле слова это – учение о языке тела и его частей, а в узком (более распространенным сегодня) – учение о жестах, или знаковых движениях тела и его частей. Именно второго понимания я буду далее придерживаться и под жестами буду понимать не только **собственно жесты**, то есть знаковые движения рук, головы и ног, но также выражения лица и частей лица (**мимика**, или **мимические жесты**), **позы**, **знаковые телодвижения** и комплексные невербальные знаковые формы – **манеры**.

Репертуар жестов и их языковых номинаций со сменой языка у людей, вообще говоря, меняется. Язык тела далеко не столь вариативен и индивидуален, как думали еще сравнительно недавно (см., например, РРР 1970, с. 236). Лексику и грамматику чужого языка тела освоить совсем не просто, хотя сделать это, например приехавшему в страну эмигранту,

в целях социальной и коммуникативной адаптации, да еще и в относительно короткий срок, просто жизненно необходимо. Со сменой привычной среды обитания и обретения нового окружения жесты и жестовое поведение у людей, вообще говоря, меняются. Я имею в виду, в частности, невербальную знаковую коммуникацию мужчин и женщин – эмигрантов первой волны или лиц, давно уехавших из метрополии. Насколько мне известно, каких-либо специальных публикаций, где описывались бы невербальные гендерные коммуникативные коды эмигрантов, нет и по сей день. Не существует и каких-либо видеозаписей, которые позволили бы описать и оценить все своеобразие функционирования жестового языка эмигрантов разных культур в реальных условиях многоязычия.

Ниже я остановлюсь на отдельных типовых – насколько можно об этом судить по сравнительно большому аудиоматериалу, находящемуся в моем распоряжении, – особенностях гендерного невербального поведения представителей русской эмиграции первой волны в Финляндии. Этот материал представляет собой магнитофонные записи интервью, которые были сделаны финской лингвисткой М. Лейнонен и ее коллегами в Финляндии и в которых эти весьма пожилые люди рассказывают интервьюерам о своей семье, о жизни в России до приезда в Финляндию и жизни в самой Финляндии. К сожалению, видеозаписей этих интервью совсем не велось, что делает задачу описания невербального поведения мужчин и женщин чрезвычайно сложной, – хотя, как я попытаюсь далее показать, всё же решаемой вот в каком аспекте. Можно попытаться реконструировать по крайней мере некоторые жестовые элементы по речевым и параязыковым ключам, осуществив тем самым желательное восполнение имеющейся магнитофонной записи текстов. Будучи выполненная в полном объеме, реконструкция невербального поведения мужчин и женщин – эмигрантов позволила бы – при условии, что в соответствующих описаниях будут учтены и найдут отражение также такие важные признаки, как возраст, статус, условия жизни, жанр и стиль диалога, отношение говорящих друг к другу и еще многие другие кинетические параметры и переменные – вскрыть некоторые невербальные (а возможно, и некоторые вербальные) составляющие гендерной коммуникации эмигрантов. Такая реконструкция дала бы возможность выявить общие черты и частные особенности корреляций между функционально и семантически связанными языковыми и кинетическими единицами и подтвердить тезис о тесной, хотя и достаточно своеобразной, согласованности вербальных и невербальных средств общения на абсолютно новом материале.

Речь пойдет, главным образом (но не только), о реконструкции мужских и (в меньшей степени) женских **иллюстративных жестов**, или **иллюстраторов**, то есть телесных знаков, которые, по определению, не могут передавать значения независимо от вербального контекста и никогда не употребляются отдельно от него. Иллюстраторы проясняют вербальный контекст и отражают стремление говорящего понятно выразиться. Примерами русских жестов-иллюстраторов являются единицы "**легкое опускание век при произнесении утвердительного предложения в конце его**"¹, "**чуть расширяющиеся глаза в конце обычного вопроса**" и "**раскрытая рука (или: руки) в направлении ладонями вверх и слегка наклоненная к адресату**". Последняя мануальная форма показывает, что жестикулирующий намеревается сразу же вслед за исполнением данного жеста (или одновременно с ним) ввести в свою речь новую тему сообщения. В коммуникативном акте этот жест всегда выступает вместе со словами *А теперь...*; *<А> вот сейчас...* и т.п., причем

¹ В дальнейшем, до тех пока не возникнет особой необходимости различить выделенные разновидности жестовых единиц, я буду называть их просто *жестами*. Жесты обозначаются прямым жирным шрифтом, а их языковые обозначения – курсивом. Обозначение жеста, заключенное в кавычки, здесь и далее означает, что для этого жеста не существует прагматически освоенной, стандартной и общепринятой, языковой номинации.

связь его с этими словами настолько обязательная, что наличие их в составе иллокутивного независимого речевого акта в тематической позиции однозначно прогнозирует появление данного жеста в нормальном реальном общении.

Про русские иллюстративные жесты сегодня известно еще очень немного. Установлено, например, что некоторые русские слова "любят" конкретные иллюстративные жесты, в частности мелкие движения головой, глазами, руками, пальцами и др. Так, указательные слова *здесь, тут, это* или личные местоимения *я, мы* и их формы в косвенных падежах обычно и у мужчин и у женщин выступают вместе с легким движением руки, направленным в сторону говорящего, причем употребление слова *мы* и его форм обычно завершается едва заметным вращательным движением руки. Напротив, использование в речи местоимений *ты, вы, они, то* сопровождается иллюстраторами, отображающими движение от говорящего в сторону реального или воображаемого человека или предмета. Известно также, что некоторые конкретные высказывания и типы высказываний в русском и других языках в обязательном порядке сопровождаются определенными жестами. Высказывание *Да ну?* в норме сопровождается вскидыванием головы и поднятием бровей, высказывание *Никогда!* – отрицательным покачиванием головы, речевой акт приветствия на расстоянии в русской и целом ряде других культур сопровождается кивком или маханием ладонью руки, поднятой вверх, и т.д.

Замечание. Иллюстративные жесты противопоставляются двум другим семиотическим типам жестов: (а) жестам, имеющим самостоятельное лексическое значение и способным передавать смысл независимо от вербального контекста и (б) жестам, управляющим ходом коммуникативного процесса, то есть устанавливающим, поддерживающим или завершающим коммуникацию (Крейдлин 2002). Первый вид жестов получил название **эмблематические жесты**, или **эмблемы**. Существуют эмблемы – невербальные аналоги слов, но для русского языка жестов более характерны эмблемы – аналоги речевых высказываний. Большинство эмблем в пределах данного жестового языка автономны от речи и могут выступать в коммуникативном акте изолированно от речи, хотя существуют также редкие эмблемы, требующие речевого или параречевого сопровождения. Эмблема с обязательным звуковым сопровождением отличается от иллюстративного жеста и типом выражаемого значения, и природой звукового сопровождения. Так, звуковое сопровождение при эмблеме имеет свой смысл, а не подчеркивает смысл жеста. Русский жест **приложить палец к губам** (форма "палец перпендикулярно губам, губы сомкнуты") может выполняться либо без речевого сопровождения (жестовая лексема **приложить палец к губам 1**, значение которой можно условно описать как 'молчи'), либо с речевым сопровождением типа *тсс* (**приложить палец к губам 2**, значение 'тише'). У элемента *тсс*, параязыкового аналога лексемы *тише*, есть, однако, свой смысл, не сводимый к смыслу жеста. Каждая из этих жестовых лексем – эмблема, но значат они разное и имеют разные контексты употребления (их полное описание содержится в СЯРЖ 2001). Второй вид жестов, противопоставленных иллюстраторам, – это **регулятивные жесты**, или **регуляторы**. Регуляторы могут выступать как вместе с речью, так и без нее. Отличаются они от двух других семиотических типов жестов по функции. В коммуникации регуляторы, как следует из самого их названия, выполняют регулятивную функцию, в частности фатическую функцию поддержания общения. Примерами русских регуляторов являются **кивок** и "**<периодическое> открывание и закрывание глаз**", мимический аналог **кивка**.

Теоретически важно и практически полезно выделить два важных функциональных подтипа иллюстраторов – **собственно иллюстраторы**, которые ориентированы в основном на денотативный план высказывания и отображают некоторые объекты, действия, понятия (это временные, пространственные или действительные маркеры, кинетографы, идеографы; см. о них подробно в книге Крейдлин 2002), и **аккомпаниаторы**, которые ориентированы на

коммуникативный план высказывания и выражают определенные коммуникативные установки жестикулирующего, его оценки сообщаемого, адресата и, возможно, сторонних лиц и объектов, специфику формирования мысли или текстового сюжета².

Аkompаниаторами являются разнообразные по форме **жестовые ударения**, например, жест "**сечение ребром ладони**", для которого характерны слова *так, именно* или (для более плавного, мягкого движения и "смазанного" положения кисти – *допустим, думаю, полагаю*), свидетельствующий – в одном из значений – о том, что говорящий в процессе построения высказывания отсекает какие-либо сомнения; или жест "**отведение руки в сторону**", в ходе физической реализации которого рука (или, как вариант, две руки) с ладонью кверху отводится в сторону, что интерпретируется как подведение итога или как очевидное следствие из сказанного (обычно сопровождает слова *вот 1, вот так, <как> <вы> видите, таким образом* и под.). К жестам-аккомпаниаторам относятся также и некоторые другие жесты, отличные от ударений, например "**щепотка**". Этот жест имеет форму, при которой кончики направленных вверх большого и указательного пальцев (а иногда вместе со средним) соединяются друг с другом, и отражает стремление говорящего сфокусировать внимание адресата на некоторой мысли, указать на суть повествуемого³. Его употребление часто сопровождается словами и словосочетаниями *вот 2, вот именно, вот что, это-то и, по сути...*

Для речи русских эмигрантов первой волны, покинувших родину с полностью усвоенным языком, характерны приверженность к родному языку, желание "говорить правильно", сохраняя в чистоте давно вывезенный ими из России язык (см., например, Гловинская 2001а, б; Земская 1995; Земская 2000; Земская 2001). Как отмечает Е.А. Земская, "целые поколения эмигрантов первой волны живы и живут замкнуто, сохраняя свой язык: дома, с друзьями говорят только или преимущественно по-русски" (Земская 1995, 233 – 234). Им свойственна языковая рефлексия, проявляющаяся в остром внимании к языковой неправильности, в многочисленных критических высказываниях по поводу современного словоупотребления, произношения некоторых слов и ударения в них, синтаксиса ряда конструкций. Архаичность, воспринимаемая как правильность речи, налет книжности, неприятие единиц "советского языка", засоряющих язык, неупотребление многих ставших обычными бытовых слов отмечались в целом ряде исследований, см., например, Голубева-Монаткина 1993, Грановская 1995, Земская 1999. В такой же степени эти характеристики – с соответствующими модификациями – присущи также и жестовому языку. Поясню, что я имею в виду.

Жестовая система, как нам известно, еще более устойчива, чем языковая. Человек, который много лет жил в России в сугубо русской среде, который с детства владел только своим родным русским жестовым языком и впервые попал в чужую финскую среду, обычно с огромным трудом адаптируется к непривычному телесному поведению. Будучи нередко сходными по форме и структуре, жестовые движения тела вдруг начинают значить для него нечто совершенно противоположное, а ставшие едва ли не автоматическими мануальная жестикуляция и выражения лица (например, улыбка, некоторые жесты глаз и бровей) и казавшиеся прежде естественными и нормальными, теперь часто привлекают к себе внимание окружающих и воспринимаются ими как странное или просто аномальное

² Впервые такое различие двух типов иллюстративных жестов было введено в дипломной работе

И.Б. Печерской "Семиотика лекторских жестов", выполненной под моим руководством в 2001 году в Институте европейских культур (РГГУ, Москва).

³ В русском языке жестов есть и другой жест с похожей физической реализацией, который является эмблематическим и указывает на малое количество чего-либо.

поведение. При этом, если незнакомый естественный язык (финский, шведский) русские эмигранты, приехавшие в Финляндию, по большей части учат специально, то язык тела им никто не преподает. А между тем, выходя, например на улицу, приходится следить за своим телесным поведением, чтобы быть правильно понятым и не попасть в двусмысленную или попросту неприятную ситуацию, постепенно утрачивая автоматизм движений⁴. Иными словами, в социальном пространстве за пределами стен своего дома знаковое поведение, которое русские эмигранты первой волны считают нормативным и относят к *пристойному* или *приличному*, должно, с одной стороны, соответствовать общественным нормам новой, в нашем случае финской, культуры, а с другой стороны, не должно включать в себя жестовые "советизмы" и "постсоветизмы", которые им самим же оцениваются как неприличные. Таким образом, эмигрантам первой волны, ревностно и с максимальной бережностью относящимся не только к речи, но и к жестовым манерам поведения, необходима, так сказать, бдительность в квадрате.

Приведу один пример характерной особенности жестового поведения русских эмигрантов первой волны. Если сегодня интерактивное взаимодействие физически и психически здоровых русских людей отличают широкие и свободные движения, контактное тактильное поведение, улыбки, то для старых русских эмигрантов, живущих за границей, скорее типична сдержанность в движениях, и это касается как мужчин, так и женщин⁵. Амплитуда и разнообразие движений и жестов русских эмигрантов в Финляндии относительно небольшие, а скорость сравнительно малая; кроме того, людям свойственны замкнутые, неширокие улыбки и, по-видимому, воспринятая от финнов невысокая тактильная контактность и закрытость тела. Последняя, вероятно, вообще характерна для финской культуры, поскольку (здесь я вынужден, на неимение других данных, опираться на наблюдения за невербальным диалогическим поведением русских людей и поведением людей других культур)⁶, между возрастом человека и коммуникативным тактильным поведением не существует сколько-нибудь семиотически значимой и статистически достоверной корреляции (о тактильном поведении и его параметрах см. Крейдлин 2002).

Далее, опираясь (а) на содержащиеся в литературе (см. упомянутые статьи М.Я. Гловинской и Е.А. Земской, работы М. Лейнонен (Лейнонен 1992), Н. Башмаковой и М. Лейнонен (Башмакова, Лейнонен 1990) или почерпнутые нами из многочисленных устных бесед

⁴ О том, что жестикуляционные и мимические знаки поддаются контролю в меньшей степени, чем речь, писал еще Р. Якобсон (Якобсон 1970, с. 284 и след.).

⁵ Этот вывод я делаю на основании наблюдений (впрочем, не слишком продолжительных) над коммуникативным поведением русских эмигрантов первой волны, живущих в США и во Франции (общее число пар – 8), а также над одной семейной парой пожилых людей, с которой я познакомился в городе Хельсинки, – это были, правда, эмигранты уже второй волны, но я полагаю, что различия в невербальном поведении тут сглажены.

⁶ Наблюдения за невербальным поведением велись как визуально, так и с помощью любительской видеокамеры. Запись поведения осуществлялась мной (я наблюдал за невербальным взаимодействием разнополых пар разных возрастов в Европе – России, Австрии, Франции, Швеции – и в Северной Америке, которое происходило в кафе и барах и на улицах), а также моими студентами, участниками моего семинара по невербальной семиотике в Институте лингвистики Российского государственного гуманитарного университета во время студенческой практики и летних каникул (в городах Москве, Курске, Иваново, в разных городах Подмосковья) и летних экспедиций в разных частях России. В основном изучалось и описывалось невербальное взаимодействие пар в полевых условиях открытой местности, а также в помещениях железнодорожных вокзалов Москвы, в музеях и на выставках.

исторические и общекультурные сведения о русских эмигрантах первой волны в Финляндии, (б) на материал, отражающий жестовое поведение финнов и русских эмигрантов примерно того же возраста, имущественного, культурного и социального положения в других странах (см., например, ЯРЖ 2001), а также особенности невербальной коммуникации пожилых русских людей в самой России, (в) на установленные общие свойства жестовых систем (в частности, на отмеченный выше параллелизм глубинных процессов, происходящих в жестовых и языковых системах), (г) на имеющуюся в нашем распоряжении информацию о параязыковых и жестовых элементах, сопутствующих с разной степенью обязательности тем или иным единицам устного текста (см., например, Арндт, Джанни 1987, Крейдлин 2002, Николаева 1972, Николаева 1973, СЯРЖ 2001) и вербальные и невербальные ключи, предсказывающие появление сопутствующих иллюстративных жестов в определенных контекстах, попробуем реконструировать некоторые невербальные единицы языка русских мужчин и женщин – эмигрантов первой волны в Финляндии и описать причины их виртуального появления.

2. Описание эксперимента по реконструкции и обсуждение результатов

Работа по реконструкции жестового поведения эмигрантов строилась следующим образом. Сначала, на основе вышесказанного, были предложены предварительные гипотезы о месте появления, характере и функциональном назначении иллюстративных жестов в исследуемых нами более двадцати записанных текстах интервью. Затем эти гипотезы были проверены в эксперименте (к сожалению, весьма небольшом и по количеству отобранных текстов, и по составу участников)⁷.

Я попросил три пары людей, согласившихся помочь мне в эксперименте, прочесть по два из записанных текстов (№13 и №44). Первую пару испытуемых составили молодые люди, студенты – актеры театра РГГУ, вторую – люди среднего возраста, никогда прежде не игравшие в театре, а третью – пожилые люди, когда-то принимавшие участие в любительских спектаклях. Пара знакомы друг с другом не были; тексты читались в разное время и в разных местах, так что пары друг друга не видели. Задание для участников эксперимента было сформулировано так: "Представьте себе, что вы – люди, давно покинувшие Россию и много лет живущие в Финляндии. Выберете для себя одну из ролей, указанных в текстах тех записанных интервью, которые мы вам сейчас раздадим, и, исполняя свою роль, прочтите, пожалуйста, тексты вслух. При этом мы будем снимать вас на видео". В целях чистоты эксперимента о его задачах испытуемым ничего не говорилось. Между тем нашей основной целью, было, конечно, проверить справедливость некоторых рабочих гипотез.

Полученные в ходе эксперимента результаты выглядят следующим образом.

Из всех видов иллюстративных и регулятивных жестов для русских эмигрантов, видимо, наиболее характерны мануальные жесты и разнообразные жесты головы: для мужчин – это кивки, для женщин – это больше наклоны головы в сторону, для мужчин – подъемы головы с одновременным отведением ее в сторону и взглядом, устремленным вверх вправо или влево (жест вспоминания, чрезвычайно типичен для пожилых людей европейской культуры), покачивание головой – разновидность жестового отрицания. Кроме того, для речи русской эмиграции характерно большое число параязыковых единиц (это видно прямо из аудиозаписей текстов) и индексальных жестов, исполняемых головой и рукой (но не пальцами!), дружелюбное поведение, заключающееся в характерных голосовых модуляциях,

⁷ Большее число участников нам было не доступно, а чтение большего числа текстов заняло бы у испытуемых-добровольцев слишком много времени, на которое мы рассчитывать не могли.

голосовой и жестовой мимике, нерезких движениях рук. Интонационные синтагмы по большей части сопровождаются разнообразными жестами рук и головы – кинетическими ударениями.

В заключение приведу небольшой фрагмент из записанных и сыгранных диалогов и посмотрим, что можно сказать о жестовом поведении интервьюируемого. Это мужчина, и его поведение типично для поведения мужского стиля поведения, свойственного эмигрантам. О женском стиле поведения мы надеемся рассказать в отдельной статье. Комментарий дан в квадратных скобках.

Интервью записано 4.7.1986 года Марьей Лейнонен Характеристика интервьюируемого X: X – мужчина пожилого возраста, родители обрусевшие немцы из Прибалтики, но проживали в Петербурге. Сначала учился в шведской школе Nya Svenska Läroverket i Helsingfors. После школы поступил в университет, где, в частности, изучал славистику.

<X>: моя фамилия / имя / и отчество // Н.Н. // э... родился двадцать девятого июля тысяча де... тысяча девятьсот тридцать седьмого / года / в городе Хельсинки // Мои родители / оба / уроженцы / питерские / отец родился в тысяча (тыща) девятьсот первом году / а мать / в тысяча девятьсот третьем году / приехали в Финляндию мать / в тысяча (тыща) девятьсот восемнадцатом году, а отец / на три года / позднее / в тысяча девятьсот двадцать третьем / году //

[Во многих культурах, в том числе русской, сбои в синтаксически правильной речевой последовательности обычно сопровождаются у мужчин движением головы (для женщин тоже, но характер движения более плавный): человек как бы стряхивает неверно выраженную мысль и метафорически избавляется от ненужного или неуместного слова. Постпозиция прилагательного (*питерские*) в группе сказуемого почти всегда предполагает не только постановку на нем фразового акцента, но и выраженное кинетическое ударение. Впрочем, сила ударения невелика, и, скорее всего, здесь можно ожидать движение головы].

<X>: Э... я начал школу / сразу / после / второй мировой войны / и родители / решили / посадить меня в шведскую школу / Nya Svenska Läroverket i Helsingfors //

<Л> А почему / именно?

<X> Потому что они считали что / так как ни мать ни отец / не говорили по- / фински ни по-шведски / они считали что / человек который будет проживать в Финляндии / должен знать / или один или другой из / местных языков //

<Л> А почему именно шведский язык?

<X> Потому что тогда уже шведский язык был в меньшинстве / как говорится / и... и я уже говорил по-фински / так как в сорок пятом году уже мне пришлось / примерно восемь лет / \$кашляет\$ с товарищами на улице по-фински говорить / так что можно сказать что финский язык был моим / вторым языком // а шведский язык нужно было изучать // из-за этого посадили в шведскую школу //

<Л> Угу.

[Начальное Э... предполагает взгляд в сторону от собеседника, особенно у людей первого поколения эмигрантов, следящих, вообще говоря за своей речью. Не ясно, что реально происходило в момент синтаксического сбоя (вставной конструкции) во второй реплике X фрагмента – информанты, которых я записывал, дали разные результаты, молодые делали движение **отведение руки в сторону**, а более пожилые – чуть заметное движение бровей и головы].

<X> Там конечно были и другие рассуждения / и другие... как бы причины к этому но это я здесь не хочу... э... как бы о них... говорить... может быть позднее о них... как-нибудь придут к слову // ну / и начал / значит / обучаться шведс... в шведской школе / не зная ни одного шведского я... слова // вначале было трудно / а потом понемножку /

всё больше и больше как говорится / пришлось насобачиться / шведским языком / и / начал говорить // но / в течении / как бы / всего / времени обучения / до тысяча девятьсот пятьдесят девятого года / шведский язык мне причинял / довольно / большие / как бы трудности / чтобы освоить / этот язык // и можно сказать что когда я писал / свой студенческий экзамен / и у меня было письменное... или сочинение на шведском языке / то это сочинение / было моё первое сочинение где я получил как бы... ээ... который... но... сейчас (щас) забыл русское слово... уже начинает забываться /.

[В начале повествования о том, как мужчина стал обучаться в шведской школе, с большой вероятностью появляется жест с формой *открытая рука* (в этом случае, скорее всего, вариант иллюстратора **ничего не поделаешь**). Жест выражает подчинение естественному ходу вещей и подчеркивает словесную констатацию свершившегося. Большое число неотрефлексированных речевых ошибок (*там были и другие рассуждения, причины к этому, насобачиться языком, писал экзамен, причинял трудности, чтобы освоить* и др.) не приводит к новым жестам. А вот сочетание *не хочу*, за которым идет разрыв связности, в подавляющем большинстве случаев сопровождается иллюстратором **удаление**. Это либо жест рукой в сторону, либо резкое однократное мотание головой, символически отображающие удаление слова, группы слов или фразы за пространство, в условных пределах которого осуществляется жестикуляция. Выход траектории жеста за пределы этого пространства, названного в работе Печерская 2001 "жестовым полем", означает переход в иную реальность, отличную от данной пространственной, временной, речевой и иной нормы: неудачное сообщение при этом как бы выносится за пределы дискурса, поскольку жестовое поле воспринимается как данное и положительное, как задающее норму коммуникативного пространства].

[...]

<X> Ну вот / теперь пришлось изъяснить на / финском языке потому что... но так вот уже тут и... первые... там вопросы / на них ответ дан / потому что первым языком был русский / вторым языком был финский / ну а потом / уже третьим / стал / шведский язык //

<Л> А ро... родители всё-таки ...

<X> Родители /

<Л> Всё время говорили по-русски ?

<X> Дома / у нас / говорили по-русски //

<Л> Угу //

<X> Только по-русски //

<Л> Но а у... у вас шв... какая / немецкая фамилия ?

<X> не... да остзейская / фамилия //

<Л> Какой ?

<X> Остзейская //

<Л> Аа !

<X> Значит ...

<Л> Из Прибалтики /

<X> Прибалтики // балтийская фамилия //

<Л> Обрусевшие...

<X> А-а-а да обрусев... обрусевшая / обрусевшая фамилия потому что / в середине / прошлого столетия / гмм... из Прибалтики / переехало много / ээ... людей в Петербург / там они имели разные должности и то что наша семья занималась там / плотницким или плотническим / поприщем / это уже / становится ясно из... из имени / Холтхоер / это значит Holzhauser /

[В этом отрывке информанты согласованно исполняли серию жестов (хотя с разной амплитудой и скоростью), которые я за неимением лучшего названия называю "процессуальными". Процессуальные жесты иллюстрируют процессы, происходящие в определенной последовательности и как бы логически возникающие один за другим (переезд, получение должности, занятие). По форме процессуальный жест – это плавное движение руки с отведением ее чуть в сторону от тела].

<Л> Аа! да-да-да!

<Х> Начальник / (нрзбр.) так что дровосек / плотник /

<Л> Угу /

<Х> Ну а потом / они / пошли по военной стороне / и... мои предки / в прошлом столетии / в конце прошлого столетия в начале / настоящего столетия были / армейцами они были военными //

<Л> Так что их язык представляет ка... какой язык ? петербургский ? или немецкий ? или %---%

<Х> Петербургский / петербургский главным образом / петербургский // и я не знаю / в какой мере петербургский язык теперь / сохранился петербургским языком / и где он применяется /.

[Многочастный повтор слова всегда, без исключений, сопровождается утвердительным кивком головы, иногда едва заметным в первый момент, но уже более энергичным к концу, как бы фиксирующим окончательность в принятии решения].

<Л> Угу /

<Х> в Советском Союзе / но я часто замечаю / что употребляю / такие / выражения / которые приводят / слушателей / в... в раздумье / как например / иногда говорю " спасибо " как полагается / а иногда у меня выскакивает слово " благодарю вас " // нечто что больше уже... не существует как говорится / и тоже иногда / гм... такие выражения как " чем могу служить " / вместо того " как могу помочь " или что-нибудь такое //.

[Рассуждения о языке у русских эмигрантов пожилого и старческого возраста, и у мужчин и у женщин, обычно сопровождается улыбкой извинения (об улыбках и их видах см. Крейдлин 2002, 335 – 373). Я это сам наблюдал во время бесед с информантами разной национальности и культурной принадлежности. Думаю, что здесь улыбку тоже с большой вероятностью можно реконструировать. Причина ее возникновения, видимо, в том, что человек не может взять на себя ответственность за использование некоторых языковых выражений или за "высочившее" слово в условиях, когда он начал забывать язык или не знает современного словоупотребления].

Буквально несколько слов о глазном поведении. Широко известна, например, роль глаз при передаче важной информации в диалоге (см., например, Арндт, Джанни 1987; Битти 1978; Битти 1981; Кендон 1967). Посредством взгляда или смены взгляда говорящий осознанно или неосознанно направляет внимание адресата на те идеи или чувства, которые он хочет в данный момент выразить, или по поводу которых хочет создать у адресата ложное представление, что именно ими он сейчас озабочен. Звуковым аналогом такого поведения акцентное выделение важного (типа *Дай мне вон ту игрушку vs. Дай мне вон ту игрушку*). Если признать наличие такого параллелизма, то по крайней мере некоторые взгляды в записанных текстах реконструируются однозначно.

Заключение

Завершая статью, еще раз подчеркну, что реконструкция мужских и женских невербальных элементов имеет большое значение там, где мы хотим представить себе, спланировать или

смоделировать (в обычной жизни или в профессиональной деятельности при постановке пьес в театре, в кинорежиссуре или, например, моделируя диалог на компьютере) диалогическое поведение людей в условиях, когда в нашем распоряжении нет никаких видеозаписей текстов. Для проведения полной и надежной реконструкции невербального поведения необходимы гораздо более масштабные и многосторонние исследования. Здесь нам хотелось лишь корректно сформулировать данную проблему, привлечь к ней внимание и показать, что поиск ее решения может быть вполне осмысленным и небезнадежным.

Литература

1. Арндт, Джанни 1987 – Arndt, H., Janney, R.W. **InterGrammar. Toward an integrative model of verbal, prosodic and kinesic choices in speech.** Berlin, New York, Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1987.
2. Башмакова, Лейнонен 1990 – Н. Башмакова, М. Лейнонен **Из истории и быта русских в Финляндии 1917 – 1939, I.** *Studia Slavica Finlandensia.* 1990, t. VII, 1 – 100.
3. Битти 1981 – Beattie, G.W. **Sequential temporal problems of speech in gaze and dialogue** // A. Kendon (ed.) *Nonverbal communication, interaction, and gesture.* The Hague: Mouton, 1981, 297 – 320.
4. Гловинская 2001а – М.Я. Гловинская. **Язык эмиграции как свидетельство о неустойчивых участках языка метрополии** // *Жизнь языка. Сб. статей к 80-летию М.В. Панова. Отв. ред. С.М. Кузьмина.* М.: "Языки славянской культуры", 2001, 42 – 59.
5. Гловинская 2001б – М.Я. Гловинская. **Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции** // *Язык русского зарубежья. Общие процессы и речевые портреты (коллективная монография). Отв. ред. Е.А. Земская.* Москва – Вена: "Языки славянской культуры: "Wiener Slavistischer Almanach" (Венский славистический альманах), 2001, 341 – 490.
6. Голубева-Монаткина 1993 – Н.И. Голубева-Монаткина. **О староэмигрантской речи (к типологии современной русской речи дальнего зарубежья).** *Русистика сегодня.* 1998, № 1/2.
7. Грановская 1995 – Л.М. Грановская. **Русский язык в "рассеянии". Очерки по языку русской эмиграции первой волны.** Отделение литературы и языка Российской академии наук. М., Институт русского языка, 1995.
8. Земская 1999 – Е.А. Земская. **Язык русского зарубежья: два полюса** // *Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г.О. Винокура и современность. Отв. ред. С.И. Гиндин, Н.Н. Розанова.* М.: "Научный мир", 1999, 236 – 257.
9. Земская 2000 – Е.А. Земская. **Речевой портрет эмигрантки первой волны** // *Русский язык сегодня. Отв. ред. Л.П. Крысин.* Вып. 1. Сб. статей. М.: "Азбуковник", 2000, 100 – 121.
10. Земская 2001 – Е.А. Земская. **Речь эмигрантов как свидетельство роста аналитизма в русском языке** // *Жизнь языка. Сб. статей к 80-летию М.В. Панова. Отв. ред. С.М. Кузьмина.* М.: "Языки славянской культуры", 2001, 68 – 76.
11. Кендон 1967 – Kendon, A. **Some functions of gaze direction in social interaction.** *Acta psychologica,* 26, 1967, 22 – 63.
12. Крейдлин 2002 – Г.Е. Крейдлин. **Невербальная семиотика.** М.: "Новое литературное обозрение, 2002.
13. Лейнонен 1992 – M. Leinonen. **Language survival: Russian in Finland** // *Slavica Tampereusia* I, 1992, 1 – 44.
14. Николаева 1973 – Т.М. Николаева **Интерференция речевых и неречевых средств в человеческом общении** // *Recherches sur les systèmes signifiants.* The Hague. Paris, 1973.
15. Печерская 2001 – И.Б. Печерская. **Семантика лекторского жеста.** Дипломная работа слушателя 2 курса. Институт европейских культур. Москва, 2001 (рукопись).
16. РРР 1970 – **Русская разговорная речь. Сборник научных трудов.** Саратов: изд-во Саратовского университета. 1970.

17. СЯРЖ 2001 – С.А. Григорьева, Н.В. Григорьев, Г.Е. Крейдлин. **Словарь языка русских жестов**. Москва – Вена: "Языки русской культуры", "Wiener Slawistischer Almanach" (Венский славистический альманах), Sonderband 49, 2001.
18. ЯРЖ 2001 – **Язык русского зарубежья. Общие процессы и речевые портреты (коллективная монография)**. Отв. ред. Е.А. Земская. Москва – Вена: "Языки славянской культуры, Wiener Slawistischer Almanach", 2001.